

Международные отношения: история и современность

УДК 327.2

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-10-27

Геополитизация Евросоюза в свете перераспределения бремени безопасности в Евро-Атлантике

Алексей А. Громыко

Институт Европы РАН, Москва, Россия;

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, alexey@gromyko.ru*

Аннотация. Первая часть исследования посвящена отношениям между США и их европейскими союзниками в контексте феноменов «двойной расстыковки» и «двойного сдерживания». Отмечено, что среди западных партнеров происходит перераспределение бремени издержек в конфронтации с Россией и в нарастающем противостоянии с Китаем. Продемонстрировано, что «перезагрузка» во взаимодействии двух частей Евро-Атлантики в последние годы во многом носила декларативный характер, в действительности снижая шансы ЕС на обретение реальной автономии на международной арене. Показано, как обострение соперничества ведущих держав, нарастание проблем в развитии Евросоюза приводят к его геополитизации, которой посвящена вторая часть исследования. Речь идет о возрождении приоритета «жесткой силы» в политике ЕС, его попытках обрести субъектность в мировых делах с опорой на способность к принуждению, маневрированию, приспособлению к реалиям полицентричности. Геополитизация ЕС означает и радикальный пересмотр ряда общепринятых представлений, включая взаимозависимость. В статье сделан вывод о негативной динамике для противников России в соотношении выгод и обременений «двойного сдерживания», «двойной расстыковки» и украинского кризиса.

Ключевые слова: геополитизация, двойное сдерживание, двойная расстыковка, украинский кризис, жесткая сила, Европа, Россия, США, ЕС, Китай

Для цитирования: Громыко Ал.А. Геополитизация Евросоюза в свете перераспределения бремени безопасности в Евро-Атлантике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. С. 10–27. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-10-27

© Громыко Ал.А., 2023

Geopolitization of the European Union in light of the redistribution of security burden in the Euro-Atlantic

Alexey A. Gromyko

*The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;*

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,
Nizhny Novgorod, Russia, alexey@gromyko.ru*

Abstract. The first part of the research is dedicated to the relationship between the US and its European allies in the context of “dual decoupling” and “dual containment”. The author explores the redistribution of costs and burdens in the framework of confrontation with Russia and the growing rivalry with China. It is demonstrated that the post-2020 US – EU reset turned out to be declarative to a significant extent and unfavorable for the EU’s chances of real autonomy in the international arena. The second part of the article is focused on the EU geopolitization caused by the escalation in the competition among major powers and the multiple problems in its own development. This process revolves around the revival of the principle of “hard power” in the EU policy, its attempts to acquire subjectivity in the world affairs with reliance on coercive power, manoeuvring, adaptation to the conditions of polycentricity. Geopolitization of the EU leads to a radical review of the long-established notions including interdependence. The conclusion is drawn that the policies of dual decoupling, dual containment and the consequences of the Ukrainian crisis result in negative dynamics in the cost-benefit analysis of Russia’s rivals.

Keywords: geopolitization, dual decoupling, dual containment, hard power, Ukrainian crisis, Europe, Russia, EU, USA, China

For citation: Gromyko, Al.A. (2023), “Geopolitization of the European Union in light of the redistribution of security burden in the Euro-Atlantic”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 10–27, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-10-27

«Двойное сдерживание» и «двойная расстыковка»

Во внешнеполитической идеологии Европейского союза с момента его основания в 1957 г. в виде Европейского экономического сообщества вплоть до 2010-х гг. доминировали представления о примате «мягкой силы», отказе от насильственных инструментов достижения целей на международной арене, о ценности «мирного

дивиденда», привлекательности для внешнего мира европейской интеграции, основанной на «нормативной силе», благах социально-экономической модели развития Западной Европы. Изначально сама суть евроинтеграции заключалась в отказе от войн во взаимоотношениях между европейскими державами, в первую очередь между Францией и Германией. Считалось, что «перелив» благополучия и достижений социального рынка, распространение традиций «государства благосостояния» континентальных и скандинавских стран ЕС на новые государства-члены – бесконечный и непрерывный процесс. Расчет состоял в том, что ЕС почти автоматически будет захватывать своим «гравитационным полем» процветания все больше территорий в рамках новых волн расширения и крепче привязывать к себе страны «евросферы» [Leonard 2005; Hutton 2002] как на периферии интеграционного объединения, так и в других регионах мира. Взгляды западных специалистов варьировались от поддержки амбиций ЕС сместить Соединенные Штаты с пьедестала «лидера свободного мира» [Rifkin 2004] до призывов к равноправному партнерству между ЕС и США ради сохранения «Атлантического союза» в качестве центральной оси международных отношений [Schnabel 2005].

Европейское интеграционное объединение рассматривалось как новый этап, качественный скачок в развитии международных отношений, как обладатель уникальных и передовых характеристик. Роберт Купер, отталкиваясь от 350-летнего периода, прошедшего после окончания Тридцатилетней войны и продлившегося до конца 1980-х гг., так формулировал эту идею: «...современное европейское государство появилось после Вестфальского мира... То, что возникает сейчас, – не перелицованный вариант старой системы. Появляется новая форма государственности, или, по крайней мере, разновидность государств, чье поведение радикально отличается от опыта прошлого» [Cooper 2000, p. 7].

Со временем такие подходы теряли свою убедительность и все больше расходились с положением дел внутри и вовне ЕС. В нем нарастал феномен «усталости от расширения»¹ по мере роста гетерогенности объединения, количество участников которого увеличилось с 5 до 27 (без учета Соединенного Королевства после брекзита). Оказались завышенными ожидания перманентной социально-экономической конвергенции между «старыми» и «новыми» странами-членами, между ними множились разногласия. В российской европеистике получили развитие тезисы о необходимости более критичного отношения к опыту ЕС как трафарету

¹ англ. – enlargement fatigue.

региональной интеграции, претендующей на универсальные характеристики, было показано, что экономический выигрыш не является имманентным свойством евроинтеграции и даже не является ее главной целью [Громыко 2017; Буторина, Борко 2022].

В начале нового тысячелетия ЕС вошел в череду кризисов большей или меньшей интенсивности, включая конституционный в 2005 г., с 2008 г. – финансовый и затем долговой («великая рецессия»), с 2015 г. – миграционный. Потрясением стало мучительное расставание ЕС и Британии, растянувшееся с 2016 по 2020 г. Из-за разрастания состава ЕС скорость принятия внутренних решений заметно не снизилась [Кавешников, Доманов 2023]. Однако это не предотвратило появления перманентных внутренних трещин, особенно по вопросам регулирования миграции, верховенства права, внешней политики, соотношения между наднациональной и межгосударственной опорами интеграции. Декларируемый принцип европейской солидарности был сильно скомпрометирован проявлением «национальных эгоизмов» после начала пандемии COVID-19.

На внешнеполитическом поприще Евросоюз в последние десятилетия предпринимал попытки усилить свою политическую субъектность в условиях превращения к концу XX в. в один из крупнейших на планете рынков. Такие усилия включали и внешнеполитическую составляющую, о чем красноречиво свидетельствует долгая история становления и развития Общей внешней политики и политики безопасности [Журкин 2012; Громыко 2019; Журкин, Носов 2019; Потёмкина 2020; Щербак 2021]. Задолго до того, как в русле идей председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера его преемница на этом посту Урсула фон дер Ляйен заявила о превращении ЕС в геополитического игрока, и ряд инициатив в этом направлении выдвинул президент Франции Э. Макрон, различные страны-члены ЕС принимали участие в интервенции НАТО против Союзной Республики Югославия в 1999 г., во вторжении в Ирак в 2003 г., масштабных военных акциях в Афганистане, Сирии, Ливии. Причем в последнем случае инициаторами применения военной силы в 2011 г. стали Франция и Британия, а не США.

Усиление субъектности ЕС диктовалось переплетением требований его внутреннего развития с внешними вызовами. Война США против Ирака стимулировала поиск путей самостоятельной внешней политики с явными нотками антиамериканизма, в первую очередь со стороны Парижа и Берлина. «Глобальная стратегия» ЕС, принятая в 2016 г., провозгласила необходимость «стратегической автономии», актуальность которой только обострилась в связи с референдумом в Британии по вопросу о выходе из интеграции

онного объединения и победой на президентских выборах в США Д. Трампа, настроенного крайне скептически в отношении европейских союзников. Параллельно, вразрез с курсом на автономию от США, в ЕС, особенно с 2014 г., крепла и другая – антироссийская подоплека для реализации установки на его внешнеполитическую самостоятельность (максимальный разрыв отношений с РФ). Постоянные усилия в этом направлении предпринимали Британия и ряд «младоевропейцев» – особенно усердствовали прибалтийские страны и Польша.

Приход в Белый дом Демократической партии во главе с Дж. Байденом способствовал сглаживанию евроатлантических разногласий. Вероятность перевернуть трамповскую страницу в отношениях между США и ЕС казалась более чем высокой. Новая американская Администрация быстро вернулась к риторике межсоюзнической солидарности и взаимных обязательств в сфере безопасности. До достижения окончательных договоренностей были сняты взаимные пошлины, введенные в результате торгового спора по стали и алюминию. Однако на деле трамповская линия по изменению стратегического вектора внешней политики Вашингтона с европейского и ближневосточного на китайский продолжилась, сопровождаясь де-факто курсом на «стратегическую расстыковку» с Европой, на принуждение европейских союзников брать на себя большее финансовое и военное бремя, нести ответственность за собственную безопасность. С надеждами на возрождение европоцентричности Запада и тем более всей системы международных отношений европейцы расстались к началу второго десятилетия XXI столетия. С тех пор проблема для них заключалась не только в том, что своим системным противником на десятилетия вперед США обозначили Китай, а не какие-либо вызовы, имеющие первостепенное значение для ЕС и европейских членов НАТО.

Дело было в том, как американцы вели себя с европейцами вне зависимости от партийной принадлежности хозяина Белого дома. Очевидными свидетельствами негативных для них долгосрочных изменений стало нежелание США уже после победы на президентских выборах Дж. Байдена возобновлять переговоры с ЕС по трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству; неспособность сторон к середине 2023 г. окончательно урегулировать торговый спор по стали и алюминию; пренебрежение призывами европейских союзников по коалиции в Афганистане продлить график вывода американских войск из этой страны; унижительное для Франции соглашение AUKUS между Вашингтоном, Лондоном и Канберрой [Рубинский, Фёдоров 2021]; принятие в США Акта о снижении инфляции, имеющего в отношении Единого рынка дис-

криминационный характер [Портанский 2023]. Даже с Британией США так и не приступили к переговорам о преференциальном торговом соглашении, хотя в мифологии идеологов брекзита оно должно было стать элементом иллюзорной стратегии «глобальная Британия».

Украинский кризис затушеввал и затормозил «стратегическую расстыковку», но не остановил ее. Курс Вашингтона на долговременное противостояние с Пекином ведет к наращиванию американского давления на европейцев, чтобы привязать их к жесткой антикитайской линии, хотя это противоречит экономическим и иным интересам Старого Света. Важное значение для оценки «расстыковки» имеет и следующий фактор. В последние годы США окончательно перешли к политике «двойного сдерживания», направленной против России и Китая. При поверхностном взгляде может показаться, что это делает несостоятельным тезис о «расстыковке», демонстрируя намерение США продолжать рассматривать Европу в качестве своего традиционного приоритета. Оставляем за скобками, что сама по себе политика «двойного сдерживания» предстает глубоко ошибочным курсом американского истеблишмента. Ее предыдущая версия 1990-х гг. – сдерживание одновременно Ирака и Ирана – не принесла успеха. Теперь же США вновь взяли ее на вооружение, но только в геополитической игре с несравненно более высокими ставками и располагая меньшими ресурсами. Что это означает для европейских интересов?

Речь идет о крайне асимметричной политике, выгодной с точки зрения желаемого для американцев распределения обязанностей между ними и союзниками в Старом Свете. Рассматривая Китай как первостепенный и системный вызов для себя, а Россию – как соподчиненный, США стремятся переложить основное бремя по ее сдерживанию на европейцев, подстегивая с этой целью их военно-промышленные комплексы. Отсюда и внедренное в НАТО под давлением Вашингтона требование по увеличению военных расходов до 2% от национальных ВВП. Только если при Трампе 2% рассматривались как максимум («потолок»), то теперь все больше – как минимум (нижняя граница расходов), т. е. налицо континуитет в действиях предыдущей и нынешней администраций. Обязательство по двум процентам пока выполняют лишь семь членов альянса, но тренд очевиден. В ближайшие годы этому требованию станут соответствовать большинство входящих в НАТО государств, как и расширится круг тех, кто перейдет к дальнейшему наращиванию военных расходов. При этом американцы «убивают двух зайцев»: перекладывают на европейцев задачу по сдерживанию России и одновременно, ввиду нынешней неспособности их ВПК самосто-

ательно поглощать быстро растущие военные бюджеты, получают от них все большие военные заказы. Пример Польши здесь наиболее показательен.

В отношениях с европейцами, в которых переплетены союзничество и конкуренция, США остаются в выигрыше и в более широком геополитическом и экономическом плане. Задолго до 2022 г. американцы планомерно работали над другой «расстыковкой» – политической и экономической между ЕС и Россией, особенно в сфере их энергетической взаимозависимости. Обострение украинского кризиса они использовали для того, чтобы «дожать» Европу, в первую очередь Германию, и наконец получить огромные дивиденды от массированного навязывания Единому рынку своего СПГ. И здесь вновь ситуация двойной выгоды – новые стимулы для американской экономики и одновременно ослабление конкурентоспособности европейских экономик, в первую очередь немецкой. Разрушение ниток газопроводов «Северный поток» органично вписывается в эту логику развития событий, делая наиболее вероятной версию американского следа в проведении диверсии против объекта международной стратегической инфраструктуры.

Однако получая перечисленные «бонусы», США сталкиваются и с негативными последствиями политики «двойного сдерживания» – по многим параметрам нарастает взаимодействие между Россией и Китаем. Одно дело проводить сдерживание против двух сильных соперников, которые действуют разрозненно и не находятся в тесных отношениях, и другое – если эти соперники, к тому же ядерные державы, по объективным причинам и ввиду американской недальновидности все больше сближаются. Осознавая вредоносность такого побочного эффекта своей политики, США пытаются использовать украинский кризис для внесения разлада в российско-китайский тандем.

Извлекая значительную выгоду из этого кризиса, включая расширение НАТО, Вашингтон, не говоря уже о Европе, все больше ощущает его пагубные последствия и без учета дальнейшего российско-китайского сближения. Геополитические и экономические приобретения в результате прокси-войны Запада против России на Украине все больше обесцениваются непредвиденными для него расходами на эту войну, нарастанием усталости электората, особенно европейского, от угнетающей атмосферы полувоенного времени, сопутствующих негативных социальных и экономических последствий. Кроме того, снижение конкурентоспособности европейских экономик по всем указанным причинам делает их все более уязвимыми не только перед американским, но и китайским выгодоприобретателем.

Отдавая себе в этом отчет, европейцы со все большей осторожностью относятся к сценарию, при котором США втягивают их в качестве пристяжных в своего рода новую холодную войну с Пекином. Они хеджируют свои риски, что показали, например, визиты в Пекин во главе больших делегаций канцлера Германии О. Шольца в ноябре 2022 г., премьер-министра Испании П. Санчеса и президента Франции Э. Макрона в апреле 2023 г. Для всех этих и большинства других стран-членов ЕС Китай – крупнейший внешнеторговый партнер. В целом Поднебесная в 2022 г. была третьим по важности импортером продукции, производимой Единым рынком (9% в европейском товарообороте) вслед за США (19,8%) и Британией (12,8%), и ведущим мировым экспортером товаров в ЕС (20,8%), опережая США (11,9%), Британию (7,3%) и Россию (6,8%). Статусом крупнейшего из стран-членов ЕС экспортера в Китай обладает Германия. Обращает на себя внимание, что двумя главными товарными позициями китайского экспорта в ЕС является продукция высокотехнологичных отраслей – телекоммуникационное оборудование и вычислительная техника².

Превращение Украины в своего рода военный аватар Запада на восточном фланге НАТО, ставка на затягивание военного конфликта сопровождались кратно возросшими усилиями России по реализации давно заявленной стратегии «разворота на восток». Обострение противостояния России и «коллективного Запада», рост международного влияния Китая привели к формированию феномена «Движение неприсоединения 2.0», когда страны глобального Юга в целом заняли позицию равноудаленности от враждующих лагерей, лавирования между ними. Бывший Третий мир – маневрирующие государства – использует геополитическое столкновение крупнейших держав для извлечения собственной выгоды. Этот феномен стал дополнительным и неожиданным обременением для Запада, который теперь должен с удвоенной силой вести борьбу с Россией и Китаем за симпатии и рынки глобального Юга, подстраивать свою внешнюю политику и риторику под интересы многочисленных быстрорастущих стран Азии, Африки и Латинской Америки. Насколько это проблематично, показывает, например, утеря Францией своих позиций в Мали, Буркина-Фасо и Нигере.

Долгие годы резоны и требования Москвы по учету ее коренных интересов безопасности Запад игнорировал. Борьба вокруг

² См.: China-EU – international trade in goods statistics // Eurostat Statistics Explained. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#Trade_with_China_by_EU_Member_State (дата обращения 30 августа 2023).

вопроса о нейтральном статусе Украины стала апогеем этих противоречий. Из-за сложившейся к настоящему времени ситуации не только Россия оказалась в сложном положении, но, глубоко втянувшись в опосредованный военный конфликт с нею, Запад сам оказался в рукотворной ловушке. После ударов «великой рецессии», миграционного кризиса, брекзита, пандемии ЕС теперь лишается и всех преимуществ экономического взаимодействия с Россией. Еще больше снижаются его шансы на успешную реализацию «энергоперехода» и построение зеленой экономики. Вместо того чтобы рассчитывать на завоевание передовых позиций на мировых рынках, оживить европейскую экономику, вырваться из прокрустовой ложа стагнации реальных доходов населения, ЕС оказывается перед перспективой длительного экономического торжества и сохранения высокой социальной напряженности.

США получают еще более сплоченный российско-китайский тандем, несут репутационные потери из-за неспособности заставить большинство государств мира встать на антироссийские позиции. После крушения планов по насильственной «демократизации» Ближнего Востока, по реализации стратегии «арабской весны», бесславной военной интервенции в Ирак США в августе 2021 г. пошли на болезненный и во многом хаотичный вывод войск из Афганистана. Ставка делалась на то, что все сопутствующие издержки окупятся высвобождением сил и средств для сосредоточения на соперничестве с Китаем в Юго-Восточной Азии, на то, что, перераспределив силы внутри «коллективного Запада», переложив основное бремя военных расходов в Старом Свете на европейцев, США добьются геополитического реванша после ряда провальных внешнеполитических авантюр.

Минимизация американских затрат на сдерживание России должна была быть достигнута завершением создания на «восточном фланге» НАТО пояса буферных проамериканских государств, включая Украину как де-факто или де-юре члена НАТО. Эскалация украинского кризиса в 2022 г. и изменение ситуации «на земле» после начального периода СВО рассматривались в Вашингтоне как дополнительная возможность ослабить РФ, сделать ее проигравшей стороной, изолировать на международной арене. В свете такой логики крупные дополнительные средства, выделяемые на поддержку Киева в 2022 г., выглядели, с точки зрения администрации Байдена, оправданным шагом, тактическим ходом ради достижения стратегической цели и, что важно, в достаточно короткие сроки.

Однако на деле оказалось, что вместо высвобождения сил и средств в Европе и на Ближнем Востоке для наращивания проти-

востояния с Китаем США попали в колею совсем другого сценария событий, как и Евросоюз оказался в зависимости от наиболее ястребиной части его государств-членов и наднациональных структур. Экономика России демонстрировала высокую стрессоустойчивость в условиях развязанной против нее санкционной войны; добиться сколачивания антироссийской коалиции за пределами «коллективного Запада» по большому счету не удалось; ситуация в зоне боевых действий все больше указывала на призрачность планов нанести Москве военное поражение; конфликт принял затяжной характер, а следовательно, требовал вложения все новых средств для поддержки Киева.

Положение дел напоминает шаблон ряда неудавшихся американских проектов в современной истории. Так, задолго до вывода войск коалиции во главе с США из Афганистана было ясно, что насильственная демократизация этой страны невозможна, как и создание в ней устойчивого проамериканского режима. Но США отказывались признавать очевидное и действовали по инерции. Похожая ситуация с украинским конфликтом: неизбежно, что с Россией придется договариваться, но признавать это Запад пока не хочет. Растущие в его рядах сомнения о возможности военного поражения России на Украине проявляют себя подспудно, в основном в виде соответствующих материалов в западной прессе и ремарок тех или иных политиков и военных. Такая инерция вызвана многими причинами, среди которых – новые неизбежные репутационные потери, иррациональная вера значительной части американского политического истеблишмента в возможность вести дела на мировой арене в стиле «бизнес как обычно», соображения межпартийной конкуренции в свете приближающихся президентских выборов 2024 г., дилемма «сакрального» для НАТО принципа расширения, которую приходится решать все более изощренными способами, как показал саммит альянса в Вильнюсе в июле 2023 г.

Таким образом, стратегия США «двойного сдерживания» России и Китая вкупе с украинским кризисом и консолидацией на этой основе Запада приносят не только геополитические приобретения, но и всё бóльшие издержки. Они ложатся тяжелым бременем на Евро-Атлантику. Вместо концентрации сил для противостояния с Китаем, Вашингтон и дальше вынужден тратить значительные силы в Европейском регионе, а его союзники здесь продолжают терять свою конкурентоспособность не только в пользу США, но и тех, кого Запад рассматривает в качестве противников.

«Европа в опасности!»

Сложившаяся ситуация в международных отношениях ставит Евросоюз в крайне сложное положение. Картина мира и соответственно необходимый набор инструментов для достижения целей дальнейшего поступательного развития европейской интеграции существенно меняются. Мир представляется для ЕС все более враждебным, а лозунгом его сплочения становится «Европа в опасности!»³. В результате достаточно длительного процесса по секьюритизации политики идентичности Евросоюза⁴, его возвращению к различным принципам суверенитета [Романова 2021] закрепляется нарратив, окончательно вытесняющий прежнюю философию «мягкой силы» и основанный на категориях «геополитической Еврокомиссии», «геополитической Европы/ЕС», «геополитических целей». «Мы нуждаемся в обретении элементов принуждения»⁵, – провозгласил Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель⁶. Ставится задача оставить в прошлом представление о ЕС как об «экономическом гиганте, политическом карлике и военном черве»⁷ и вслед за «геополитическим пробуждением» ЕС обеспечить его полноценное стратегическое позиционирование⁸.

Из нескольких интерпретаций суверенитета со всей очевидностью ЕС переходит на позиции устойчивого баланса сил в духе вестфальского суверенитета: контролирование собственного пространства, отгораживание от других международных игроков, обозначенных в качестве противников, сдвиг от универалистских и миссионерских устремлений к признанию многополярности мира, готовность использовать для достижения своих целей весь набор инструментов, включая «жесткую силу». На основе этих общих принципов предлагается несколько вариантов внешнеполитического поведения: от поиска нового равновесия и баланса сил [Biscop 2021]

³ *Borrell J.* The year that war returned to Europe. EU foreign policy in 2022. European Union External Action. European Union, 2023. P. 147.

⁴ Когда формирование устойчивых представлений о себе для усиления внутреннего единства и снижения влияния извне рассматривается как задача по борьбе с угрозами безопасности. См., например: [Фадеева 2021].

⁵ Англ. coercive power.

⁶ *Borrell J.* Op. cit. P. 125.

⁷ Это выражение, получившее широкое распространение, ввел в оборот Марк Эйскенс, бывший премьер-министр Бельгии, в статье в газете “The New York Times” от 25 января 1991 г.

⁸ *Borrell J.* Op. cit. P. 53.

до стремления нанести геополитическому сопернику поражение. Последний вариант стал доминирующим во внешнеполитическом мышлении США и ЕС в отношении России. Кроме того, европейская разновидность современного вестфальского суверенитета во многом встроена в более широкий трансатлантический коллективный суверенитет. Он имеет пирамидальную и асимметричную структуру, в которой доминируют национальные интересы США.

Метаморфоза перехода ЕС от упора на «мягкую силу» к полаганию на «жесткую» имеет немало исторических аналогов, когда бывшие или увядающие империи переходили от открытости внешнему миру, характерной для этапа имперской экспансии, к представлению о себе как об осажденной крепости [Громыко 2008, с. 62–70]. Внешний мир превращается из пространства экономического и политического освоения в источник опасностей, от которых надо отгораживаться. Нарративы свободного рынка, открытой торговли, невмешательства государства в экономические процессы продолжают по инерции использоваться, но на деле замещаются протекционизмом, недобросовестной конкуренцией, неправомерными санкциями против соперников.

Текущие подходы западных стран к внешнему миру как к источнику опасностей формировались давно. Мощным стимулом для этого стали события 11 сентября 2001 г. в США. Зерна указанной метаморфозы содержались в концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, жесткость и прагматичность которой радикально отличались от высокомерия и самоуспокоенности, заложенных в идее «конца истории» Ф. Фукуямы. Переход от взгляда на внешний мир как лояльного пространства освоения к его восприятию как рассадника рисков принимал различные формы. В англосаксонской литературе, например, популярность в 2000-е гг. приобрело деление государств на «несостоявшиеся», модернистские и постмодернистские [Cooper 2000]. К последним как к наиболее передовым причислялись европейские, что якобы наделяло их особыми правами и обязанностями. Во Франции Франсуа Эйсбур выдвинул категорию «геополитических хищников», в которую включены и Китай с Россией, и США [Heisbourg 2020; Неймарк 2021, с. 152–161]. Нашумевшей стала статья Ж. Борреля, опубликованная в марте 2023 г. во французском журнале «Le Grand Continent»⁹. В ней автор в неокOLONIALном

⁹ *Borrell J.* Europe in the Interregnum: our geopolitical awakening after Ukraine // The Diplomatic Service of the European Union. 24.03.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/europe-interregnum-our-geopolitical-awakening-after-ukraine_en (дата обращения 30 августа 2023).

духе рассуждает о том, что на «постмодернистский сад» Евросоюза «наступают джунгли», заимствуя это выражение из известной книги Роберта Кагана [Kagan 2018].

Траектория отношений ЕС с Россией полностью соответствует нарастанию на Западе комплекса осажденной крепости. В 2003 г. ЕС впервые обнародовал собственную стратегию безопасности. «Мы должны продолжить работу по углублению отношений с Россией – существенным фактором нашей безопасности и процветания, – говорилось в документе. – Уважение к совместным ценностям поддержит процесс достижения стратегического партнерства»¹⁰. Прошедшее с тех пор десятилетие внесло существенные изменения в эти подходы. В марте 2016 г. министры иностранных дел стран-членов ЕС утвердили пять «руководящих принципов» в отношениях с Россией, предложенных Ф. Могерини, высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности. Среди них опорным являлся четвертый: востребованность выборочного взаимодействия с Россией как в сфере внешней политики (проблематика Ирана, Ближнего Востока, Северной Кореи, миграция, антитеррористическая борьба, изменение климата), так и в других вопросах, отвечающих интересам ЕС¹¹.

Ужесточение нарратива о «российской угрозе», как и в целом представлений о враждебном внешнем окружении, продолжилось в «Глобальной стратегии» ЕС, выпущенной в июне 2016 г. «Сфера взаимодействия с Россией, – говорится в ней, – представляет собой ключевой стратегический вызов... В то же время ЕС и Россия зависят друг от друга. Поэтому мы будем иметь дело с Россией для обсуждения наших противоречий и сотрудничать, если и когда наши интересы пересекаются»¹². Окончательный переход к восприятию РФ как опасности произошел в новом доктринальном документе ЕС «Стратегический компас». Россия рассматривается как «долговременная и прямая угроза европейской безопасно-

¹⁰ A secure Europe in a better world. European Security Strategy. P. 16. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (дата обращения 30 августа 2023).

¹¹ См.: Remarks by High Representative/vice-president Federica Mogherini at the press conference following the Foreign Affairs Council // The Diplomatic Service of the European Union. 14.03.2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/5490_en (дата обращения 30 августа 2023).

¹² Shared vision, common action. A stronger Europe. A global strategy for the European Union's foreign and security policy. June 2016. P. 33. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения 30 августа 2023).

сти», а Китай как «партнер для сотрудничества, экономический конкурент и системный противник»¹³. Перечисленные документы ЕС, как в системе сообщающихся сосудов, взаимосвязаны со стратегическими документами его государств-членов. Например, в национальной стратегии безопасности Германии, вышедшей в июне 2023 г., записано: «В настоящее время Россия является наиболее значимой угрозой для мира и безопасности в евроатлантическом регионе»¹⁴.

* * *

Геополитизация Евросоюза ведет к изменению смысла ключевых внешнеполитических категорий. Происходит милитаризация (точнее – «вепонизация»¹⁵) понятия взаимозависимости мира, которая теперь рассматривается не как благо, а как обременение, сравнимое с опасностями в военной сфере¹⁶. Соответственно, ЕС стремится прекратить «зависимость» от российских энергоресурсов, найти альтернативу китайским редкоземельным металлам и оборудованию для зеленой экономики, предпринять аналогичные действия на других направлениях.

Разновидность вестфальского суверенитета, который примеряет на себя Евросоюз, стремление говорить «языком силы» и одновременно приспособиться к «опасному» внешнему окружению приводит к выдвиганию более напористых целей и задач. Причины такого поведения носят двоякий характер с внешним и внутренним контурами. Происходит перераспределение бремени безопасности между членами Атлантического союза, втягивание Соединенными Штатами ЕС и НАТО в политику «двойного сдерживания», направленную против России и Китая. Одновременно объективные интересы развития ЕС подталкивают ряд его стран-членов к поиску путей автономии на мировой арене, к попыткам сохранить конкурентные преимущества Единого рынка перед лицом амбиций других центров силы. Однако пока в поисках своей международной

¹³ A strategic compass for security and defence. For a European Union that protects its citizens, values and interests and contributes to international peace and security. March 2022. P. 18. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (дата обращения 30 августа 2023).

¹⁴ Integrated security for Germany. National Security Strategy. June 2023. P. 22. URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf> (дата обращения 30 августа 2023).

¹⁵ От англ. weaponisation – наделение силой оружия.

¹⁶ *Borrell J.* Op. cit. P. 61.

субъектности ЕС остается заложником догматичной интерпретации «евроатлантической солидарности», своих исторических фобий, ультралиберальной ценностной идеологии.

Благодарности

Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Acknowledgements

The article was published within the framework of the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and cooperation” under a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation to conduct major research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2020-783).

Литература

- Буторина, Борко 2022 – *Буторина О.В., Борко Ю.А.* Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции // Современная Европа. 2022. № 1. С. 5–20.
- Громыко 2008 – *Громыко А.А.* Образы России и Британии: реальности и предрасудки. М.: ИЕ РАН, 2008. 95 с.
- Громыко 2017 – *Громыко А.А.* Европейские исследования: дилеммы уникальности и универсальности // Современная Европа. 2017. № 2. С. 6–17.
- Громыко 2019 – *Громыко А.А.* Дилеммы Европейского оборонного союза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 6–28.
- Журкин 2012 – *Журкин В.В.* Европейская армия: поражения и победы: Общая политика безопасности и обороны ЕС. М.: Международные отношения, 2012. 189 с.
- Журкин, Носов 2019 – *Журкин В.В., Носов М.Г.* 20-летие военного измерения НАТО // Современная Европа. 2019. № 1. С. 5–13.
- Кавешников, Доманов 2023 – *Кавешников Н.Ю., Доманов А.О.* Влияние расширения ЕС на скорость принятия решений // Современная Европа. 2023. № 3. С. 5–19.
- Неймарк 2021 – *Неймарк М.А.* «Хищники» в геополитике и Европа // Современная Европа. 2021. № 7. С. 152–161.

- Портанский 2023 – *Портанский А.П.* ЕС – США: новые барьеры в торговле // Современная Европа. 2023. № 4. С. 119–131.
- Потёмкина 2020 – *Потёмкина О.Ю.* Новая стратегия Союза безопасности ЕС // Европейская аналитика 2020. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 10–18.
- Романова 2021 – *Романова Т.А.* Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия // Современная Европа. 2021. № 5. С. 32–44.
- Рубинский, Фёдоров 2021 – *Рубинский Ю.И., Фёдоров С.М.* «Кризис подводных лодок» и его возможные последствия // Европейская аналитика 2021. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 143–150.
- Фадеева 2021 – *Фадеева Л.А.* Современные вызовы политики идентичности в ЕС // Современная Европа. 2021. № 7. С. 18–26.
- Щербак 2021 – *Щербак И.Н.* Стратегическая автономия Евросоюза на перепутье // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 2. С. 34–40.
- Biscop 2021 – *Biscop S.* Grand strategy in 10 words. A guide to great power politics in the 21st century. Bristol: Bristol University Press, 2021. 262 p.
- Cooper 2000 – *Cooper R.* The Post-Modern States And the World Order. L.: Demos, 2000. 50 p.
- Heisbourg 2020 – *Heisbourg F.* Le temps des prédateurs: la Chine, les Etats-Unis, la Russie et nous. P.: Odile Jacob, 2020. 240 p.
- Hutton 2002 – *Hutton W.* The world we're in. L.: Little, Brown, 2002. 528 p.
- Kagan 2018 – *Kagan R.* The jungle grows back. America and our imperiled world. N.Y.: Knopf, 2018. 192 p.
- Leonard 2005 – *Leonard M.* Why Europe will run the 21st century. N.Y.: PublicAffairs, 2005. 170 p.
- Rifkin 2004 – *Rifkin J.* The European dream. How Europe's vision of the future is quietly eclipsing the American dream. N.Y.: Jeremy P. Tarcher Inc., 2004. 434 p.
- Schnabel 2005 – *Schnabel A.R.* The nest superpower? The rise of Europe and its challenge to the United States. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. 199 p.

References

- Biscop, S. (2021), *Grand strategy in 10 words. A guide to great power politics in the 21st century*, Bristol University Press, Bristol, UK.
- Butorina, O.V. and Borko, Yu.A. (2022), “Benefits of regional integration. Revision of the concept”, *Sovremennaya Evropa*, no. 1, pp. 5–20.
- Cooper, R. (2000), *The post-modern states and the world order*, Demos, London, UK.
- Fadeeva, L.A. (2021), “Modern challenges of identity politics in the EU”, *Sovremennaya Evropa*, no. 7, pp. 18–26.
- Gromyko, Al.A. (2008), *Obrazy Rossii i Britanii: real'nosti i predrassudki* [Images of Russia and Britain. Realities and prejudices], IE RAS, Moscow, Russia.

- Gromyko, Al.A. (2017), "European studies. Dilemmas of uniqueness and universality", *Sovremennaya Evropa*, no. 2, pp. 6–17.
- Gromyko, Al.A. (2019), "Dilemmas of the European Defence Union", *Outlines of Global Transformations. Politics, Economics, Law*, vol. 12, no. 2, pp. 6–28.
- Heisbourg, F. (2020), *Le temps des prédateurs: la Chine, les Etats-Unis, la Russie et nous*, Odile Jacob, Paris, France.
- Hutton, W. (2002), *The world we're in*, Little, Brown, London, UK.
- Kagan, R. (2018), *The jungle grows back. America and our imperiled world*, Knopf, New York, USA.
- Kaveshnikov, N.Yu. and Domanov, A.O. (2023), "The impact of EU enlargement on the speed of decision-making", *Sovremennaya Evropa*, no. 3, pp. 5–19.
- Leonard, M. (2005), *Why Europe will run the 21st century*, Public Affairs, New York, USA.
- Neymark, M.A. (2021), " 'Predators' in geopolitics and Europe", *Sovremennaya Evropa*, no. 7, pp. 152–161.
- Portanskii, A.P. (2023), "EU – USA. New barriers to trade", *Sovremennaya Evropa*, no. 4, pp. 119–131.
- Potemkina, O.Yu. (2021), "New strategy of the EU Security Union", in *Evropeiskaya analitika 2020* [European Analytics 2020], IE RAS, Nestor-History, Moscow, Saint Petersburg, Russia, pp. 10–18.
- Rifkin, J. (2004), *The European dream. How Europe's vision of the future is quietly eclipsing the American dream*, Jeremy P. Tarcher Inc., New York, USA.
- Romanova, T.A. (2021), "The discourse on the sovereignty of the European Union. Content and consequences", *Sovremennaya Evropa*, no. 5, pp. 32–44.
- Rubinskii, Yu.I. and Fedorov, S.M. (2021), " 'The submarine crisis' and its possible consequences", in *Evropeiskaya analitika 2021* [European Analytics 2021], IE RAS, Nestor-History, Moscow, Saint Petersburg, Russia, pp. 143–150.
- Schnabel, A.R. (2005), *The nest superpower? The rise of Europe and its challenge to the United States*, Rowman & Littlefield Publishers, Lanham, Maryland, USA.
- Shcherbak, I.N. (2021), "Strategic autonomy of the European Union at the crossroads", *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, no. 2, pp. 34–40.
- Zhurkin, V.V. and Nosov, M.G. (2019), "The 20th anniversary of the military dimension of NATO", *Sovremennaya Evropa*, no. 1, pp. 5–13.
- Zhurkin, V.V. (2012), *Evropeiskaya armiya: porazheniya i pobedy: Obshchaya politika bezopasnosti i oborony ES* [The European army. Defeats and victories. The EU's Common Security and Defense Policy], International Relations, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Алексей А. Громыко, доктор политических наук, член-корреспондент РАН, Институт Европы РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3;

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; alexey@gromyko.ru

Information about the author

Alexey A. Gromyko, Dr. of Sci. (Political Studies), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009;

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia; 23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, Russia, 603022; alexey@gromyko.ru